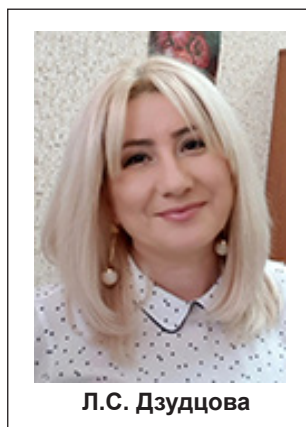

Научная статья
УДК 94(47).084
DOI 10.46698/VNC.2025.26.15.001

Музейное пространство Северной Осетии (1920–1930-е гг.)

Л.С. Дзудцова

Лариса Сослановна Дзудцова

Владикавказский научный центр Российской академии наук, начальник научно-организационного отдела, и.о. ученого секретаря, Россия, Владикавказ, LDzudcova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается музейное пространство Северной Осетии 20–30-х годов XX века как важная составляющая культурной политики. Целью исследования является изучение музейного дела в условиях установления советского политического режима и новой идеологической парадигмы. На основе документов из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, впервые введенных в научный оборот, и материалов периодической печати выявлены особенности формирования и функционирования музейной сети в контексте советской общественной трансформации.

Ключевые слова: Северная Осетия, музей, культурная политика, идеология

Для цитирования: Дзудцова Л.С. Музейное пространство Северной Осетии (1920–1930 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2025. Т. 25. № 2. С. 50–55. DOI 10.46698/VNC.2025.26.15.001

Museum space of North Ossetia (1920–1930)

Larisa S. Dzudtsova

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, head of scientific and organizational department, acting scientific secretary, Vladikavkaz, Russia, LDzudcova@yandex.ru

Abstract. The article examines the museum space of North Ossetia in the 1920s–30s as an important component of cultural policy. The aim of the study is to examine museum affairs in the context of the establishment of the Soviet political regime and a new ideological paradigm. Based on documents from the funds of the Central State Archive of the Republic of North Ossetia–Alania, first introduced into scientific circulation, and materials from the periodical press, the features of the formation and functioning of the museum network in the context of Soviet social transformation are revealed.

Keywords: North Ossetia, museum, cultural policy, ideology

For citation: Dzudtsova, L.S. Museum space of North Ossetia (1920–1930) // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2025. T. 25. № 2. P. 50–55. DOI 10.46698/VNC.2025.26.15.001

ВВЕДЕНИЕ

Культурно-просветительская деятельность в Осетии получила развитие в пореформенные десятилетия, когда возникли и стали создаваться ее новые организационные формы, такие как публичная библиотека, театр, музей, воскресные школы, народные чтения и пр., имевшие важное значение в распространении знаний и приобщении людей из разных социальных слоев к достижениям мировой культуры и науки [1, с. 45]. Результатом подъема культуры и просвещения в Осетии рубежа XIX–XX столетий стала развитая общественно-культурная среда, полностью сформировавшаяся к 1917 году.

Таким образом, к середине 1920-х гг., когда в стране только устанавливалась социокультурная основа для построения социализма, в Северной Осетии уже функционировали научные и образовательные учреждения, научная библиотека и научный музей, театр, архивное управление и пр. [2, с. 106].

Ряд современных исследователей, анализирующих социокультурную динамику Осетии в условиях социалистических преобразований, рассматривают

ее в контексте развития научных, образовательных и культурных учреждений. Музей в данных работах упоминается лишь как учреждение культурной инфраструктуры, располагающее собранием обширных коллекций древностей из Осетии и со всего Северного Кавказа.

Между тем практически нет работ, направленных на исследование музея как важного культурологического феномена, влияющего на общественное мнение, а также роли этого социокультурного института в государственном строительстве и развитии общественно-культурной среды Северной Осетии 1920–1930-х гг.

В этой связи нами предпринята попытка проследить историю формирования музейного пространства в Северной Осетии и раскрыть особенности его развития в условиях советской модернизации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Победа Октябрьской революции и установление коммунистического режима в дальнейшем обусловили развитие гуманитарной науки, основанной на марк-

систско-ленинской методологии [2, с. 96].

В середине 1920-х гг. в национальном вопросе преобладала политика «коренизации», призванная привлечь представителей коренных народов к выполнению управленческих функций и вызвать доверие местных народов к власти. Это способствовало созданию на территориях союзных и автономных республик условий для поддержки национальных культур, и в том числе развития музейного дела. В Осетии это позволяло решать задачи сохранения культурного наследия, реализовывать ранее запланированные проекты, поскольку актуальными оставались исследования осетинской национальной культуры, фольклора и этнографии [2, с. 105].

В начале 1930-х годов происходит смена парадигмы национальной политики в пользу расцвета и сближения социалистических национальных культур. В реализации этой политики музеям отводилась важная идеологическая миссия.

Государственная политика представляла из себя программные и идеологические установки, касающиеся как общих вопросов культуры, так и непосредственно музейного дела.

Установившийся политический режим начал определять направления научных исследований, делая акцент на таких темах, как классовая борьба, революционное движение, гражданская война и история большевизма.

Провозглашенная властями задача сближения наций плохо сочеталась с сохранением культурного наследия в национально-территориальных автономиях и республиках.

После принятия в январе 1918 г. постановления о развитии музейного дела и затем, в 1923 г., декрета ВЦИК и СНЦ РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины», в целях определения памятников, коллекций и предметов, имеющих большое историческое, культурное и научное значение, в стране была проведена ревизия памятников архитектуры и музейных коллекций.

В результате проведенных в 1920-х годах ревизий в Северной Осетии были определены памятники архитектуры и музейные коллекции, имеющие большое историческое, культурное и научное значение, и составлен список важнейших архитектурных памятников древности. К памятникам высшей категории были отнесены святилище «Реком» в окрестностях селения Цей и минарет из городища Татартуп на берегу реки Терек в селении Эльхотово. В перечень памятников второй категории вошли Нузальская часовня, храм Св. Георгия и склепы в селениях Махческ, Хыцауы Дзуар, Даргавс, Згид, Старая Саниба, боевые башни в аулах Алагирского ущелья, замок в ауле Зарамаг [3, л. 165].

В ноябре 1926 г. был ликвидирован Северо-Кавказский институт краеведения (СКИК) во Владикавказе. Функционировавший при СКИК Научный музей был признан музеем местного значения, то есть музеем Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, в результате чего на его основе в качестве

временного учреждения был организован Ингушско-Осетинский музей. В течение следующего года шла работа специальной комиссии, выработавшей условия по разделению фондов музея между Северной Осетией и Ингушетией, и в декабре 1927 г. он был разделен на два национальных музея краеведения. Фактически Музей материальной и духовной культуры осетин при Северо-Осетинском научно-исследовательском институте краеведения (СОНИИ) в новом качестве начал свою работу с января 1928 года [4, л. 41].

К этому времени у Музея материальной и духовной культуры осетин (размещался в бывшем Владикавказском научном музее) уже имелась своя коллекция экспонатов, состоявшая из ценных рукописей, археологических предметов и пр., а с передачей ему основных фондов Научного музея при СКИК (после его ликвидации), накопившихся за время его существования, стала ощущаться острая нехватка помещений. Кроме того, в связи с реорганизацией экспозиции вследствие раздела фондов музея между Северной Осетией и Ингушетией требовалось заново произвести каталогизацию экспонатов [4, л. 40].

В 1928 г. в музее работало всего 2 человека – заведующий и научный сотрудник, работавший одновременно и в ингушском музее. На Музей материальной и духовной культуры было отпущено 2 129 р. Но в связи с нехваткой финансирования фактически на музей израсходовано было больше – из средств Осетинского научно-исследовательского института краеведения на нужды музея пошло больше 600 рублей. К концу 1928 года музей все еще не был приведен в порядок – при таком небольшом финансовом обеспечении и остро ощущаемой тесноте возникали сложности с полноценным функционированием учреждения [4, лл. 44–46].

Несмотря на нехватку кадров и финансовых средств, в музее практически ежедневно проводились экскурсии, а также научно-популярные беседы для учебных заведений Владикавказа на тему изучения дополнительных материалов по быту и искусству осетин. С января по октябрь 1928 года музей посетили более 15 000 человек. В нем одновременно производилась классификация экспонатов, набравшихся со дня основания музея, проводилась работа по распределению археологического материала по районам Осетии, пополнялись фонды. За 1928 год коллекция музея была дополнена произведениями осетинских художников, материалами по архитектуре, орнаменту и утвари Осетии [4, л. 50]. А после того как СОНИИ начал изучение лесов Осетии и стал собирать соответствующие образцы, коллекция пород деревьев также была передана в музей [4, л. 45].

Проблему с размещением экспозиций и хранением фондов нужно было как-то решать, и 15 октября 1928 года вопрос о помещениях для музея был вынесен на заседание коллегии СОНИИ, на котором было решено обратиться в Отдел народного образования Северной Осетии. В СевОблОНО было направлено обращение директора СОНИИ Г. Дзагурова, в котором

он писал, что Музей материальной и духовной культуры Осетии уже в настоящее время не вмещает всех экспонатов и не имеет возможности организовать в нем хотя бы один кабинет для занятий и одну художественную мастерскую. Коллегия института просила включить в план строительство здания музея и института краеведения [4, л. 61].

Подходящего здания для музея, как и средств на постройку здания, у местных властей не оказалось. В ответном письме СевОблОНО сообщил, что за отсутствием средств вопрос о постройке здания остается открытым. Одновременно сообщалось, что возбуждено ходатайство перед Облисполкомом о включении постройки здания музея в пятилетний план строительства [4, л. 69].

С началом нового витка развития музейного дела, ставшего итогом провозглашенной в стране в конце 1920-х годов задачи сближения наций, в фокусе внимания властей оказался учет музеев в идеологическом, административном и кадровом отношении.

В декабре 1928 года из КрайОНО поступило письмо, в котором на основании распоряжения Главнауки и в целях использования памятников революционного движения, искусства и старины для освещения вопросов исторического развития отдельных регионов Северо-Кавказского края было предложено возложить на одного из работников Окружного отдела народного образования обязанности по изучению исторических памятников. Распоряжением Главнауки предписывалось произвести учет памятников революционного движения, искусства и старины, подлежащих охране, и выработать формы их охраны [4, л. 64].

Несколькими годами ранее, а именно 20 ноября 1921 года, на заседании правления бывшего Северо-Кавказского института краеведения было принято решение основать при Научном музее отдел современности с 1917 года, сбор материалов для которого был поручен члену правления Научного музея при СКИК Г.К. Мартиросяну. В 1922 году отдел современности был преобразован в Музей революции. Директором был назначен Г.К. Мартиросян. Однако помещение, в котором размещался музей, было признано непригодным для этих целей. Кроме того, места для экспозиции по теме революционного движения не хватало, и директору было поручено направить в партком ходатайство о выделении подходящих помещений [5, л. 23]. До решения вопроса о выделении помещений для нового музея, равно как и до его полноценного функционирования, дело так и не дошло, вероятно, в связи с ликвидацией СКИК и его Научного музея. Во всяком случае, упоминания о дальнейшей судьбе Музея революции в конце 1920-х годов и в первой половине 1930-х годов не встречаются. Нет сведений и о собранных для коллекции Музея революции экспонатах. Возможно, они частично были переданы вновь организуемому Краевому музею народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону, которому отходила некоторая часть музейных фондов.

Вертикаль власти, управлявшая культурной политикой по всей стране, а также централизованная

система управления музейной работой окончательно сформировалась в 30-х годах XX века.

Постановлением коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НКРКИ) на заседании по докладу об обследовании и чистке Центрального бюро краеведения (ЦБК) от 26 октября 1930 года были приняты решения об идеологическом и организационно-методическом руководстве местными краеведческими организациями, их перевод на единый типовый устав, о чистке старых кадров краеведов, непригодных для выполнения задач социалистической повестки, и очищении местных организаций от «класса чуждых элементов», а также о создании системы подготовки и переподготовки кадров краеведения [3, л. 141].

Следом за этим I Всероссийский музейный съезд, состоявшийся в Москве в декабре 1930 г., определил развитие музейного дела в Советском Союзе как часть общегосударственной и партийно-пропагандистской работы, закрепил политико-просветительские приоритеты в деятельности музеев [6, с. 35] и положил начало полному административному и идеологическому контролю над музеями со стороны партийно-государственного руководства [7, с. 141].

Согласно решениям съезда, в музеях страны в обязательном порядке стали создаваться отделы социализма, началась подготовка типовых экспозиций о соцстроительстве. В официальных документах, в литературе, в общественном мнении закрепились новая музейная концепция, в основу которой было положено представление о музее как о культурно-вспомогательном учреждении, обслуживающем нужды государственной власти и управления, лишенном самостоятельного значения [7, с. 143–144].

В поддержку Постановления НКРКИ РСФСР и решений съезда Центральным бюро краеведения Наркомпроса РСФСР были организованы курсы по подготовке инструкторов и организаторов краеведческого движения областного и районного масштаба, в программу которых, помимо основ музейного дела, в обязательном порядке вошли вопросы политпросвещения, агитационной работы и антирелигиозной пропаганды.

Соответствующее письмо Северо-Кавказского краевого совета народного просвещения о сборе заявок на прохождение курсов по подготовке инструкторов было направлено и в Облсовнарпрос Северной Осетии. Согласно письму, ЦБК обеспечивало слушателей курсов общежитием и питанием. Все остальные расходы (дорога, стипендия и т. п.) командирующие организации принимали на себя [8, л. 160]. То есть внедрение в массы определенного идеологического нарратива имело для партийной верхушки ключевое значение, поэтому, несмотря на сложные экономические условия, власти готовы были изыскивать средства для обучения кадров и продвижения своих идей.

Тем не менее документальных подтверждений явной перестройки музейной работы в Осетии, связанной с идеологическим давлением, в архивных материалах начала 30-х годов не обнаружено.

В плане работы Осетинского областного краеведческого музея (переименован в 1930 г., с 1936 года – Республиканский музей краеведения СО АССР) на 1931–1932 годы такие свидетельства также отсутствуют. В эти годы музеем были запланированы описание фондов, библиографическая работа по этнографии осетин, создание этнографической карты, работы по сравнительной этнографии осетин с другими горскими народностями, описание археологического отдела музея, археологическая экспедиция в горную Осетию, составление археологической карты Северной Осетии, продолжение экспедиций по антропологическому изучению Осетии, остатков производства, костных останков, мумий, древних могильников в различных областях Осетии, работа по выявлению и учету памятников древности в Северо-Осетинской автономной области и в Юго-Осетинской автономной области с обзорами, фотоснимками и т. д. [3, л. 186].

Тенденции усиления идеологического и организационно-методического руководства музейной работой, набиравшие обороты в центральных музеях страны в начале 30-х годов, в Осетии носили неявный характер, однако во второй половине 30-х годов ситуация стала меняться.

В соответствии с планом работы на 1937 год, Республиканский музей краеведения СО АССР состоял из трех отделов: природы, истории и социалистического строительства [9, л. 1]. При формировании экспозиции отдела за основу была взята идея о том, что история человечества есть история классовой борьбы. В связи с этим основной задачей отдела истории обозначался показ в экспозиции всех общественно-экономических формаций в комплексе (территория, производительные силы, естественные природные условия, политический строй, быт, идеология и классовая борьба), по этапам развития классовой борьбы, начиная с родового строя и заканчивая Октябрьской революцией. Период капитализма разрабатывался с обязательным акцентом на такие темы, как колониальная политика царизма XVIII века, раздача земли горцев местным феодалам, постройка Алагирского завода и положение рабочих, крестьянское восстание в Осетии, Революция 1905 года в Осетии, Империалистическая война, Февральская революция и др. [9, лл. 2–4].

Отдел социалистического строительства включал Октябрьскую революцию, гражданскую войну, апрельские тезисы Ленина, новые формы общественного труда, восстановительный период, состояние сельского хозяйства, реконструктивный период, социалистическую реконструкцию крупной промышленности и сельского хозяйства и многое другое. Охватывая очень короткий с исторической точки зрения период, план отдела соцстроительства был расписан в мельчайших подробностях и включал помимо работ по формированию экспозиций проведение среди колхозников разъяснительных лекций о культурно-просветительской работе музея и ее значении. В план также были включены научные командировки работников музея по изучению и сбору информации о деятельно-

сти колхозов с последующей организацией выставки о жизни колхоза, составление отраслевых картотек, сбор фотоснимков исторических памятников в нагорной полосе [9, лл. 5–7]. Фактически основная часть экспозиций музея краеведения была выстроена на основе партийной идеологии, классовой борьбы и победы социализма.

В плане работы музея и в протоколах совещаний за 1938 год появились пункты, которые также говорят о возросшем контроле музейной деятельности партийной элитой: перестройка экспозиционного плана музея краеведения на основе периодизации краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)), усиление взаимосвязи с партийными органами, организация музейных советов с участием представителей Обкома партии, Облисполкома, Обкома комсомола, ГОРОНО, редакциями газет, управлениями фабрик и заводов и пр. [10, л. 1].

Во все последующие годы внедрению государственной идеологии во всех сферах социально-экономической жизни страны придавалось важнейшее значение, и, конечно, это направление музейной деятельности в Осетии также находилось под пристальным вниманием партийных властей.

Ознакомившись с отчетом о работе Музея краеведения за 1938 год, Музейно-Краеведческий отдел наркомпроса РСФСР в своем заключении указал на «почти полное отсутствие политпросветработы в районе, особенно в колхозах...» и потребовал учесть указанные замечания в дальнейшей работе [11, л. 7].

В 1939 году в Музее продолжалась работа по реорганизации, начатая в 1938 году, был проведен ремонт здания, приняты меры по пресечению пропаж и хищений экспонатов. Экспозиционно-тематический план музея строился от «колониального рабства» Осетии в прошлом через пролетарскую революцию к социализму на основе периодизации И.В. Сталина в Кратком курсе истории ВКП(б). Отделы социалистического строительства и истории, этнографии, археологии несколько пополнились, был заложен отдел природы, пополнившийся ценными артефактами (частями скелета мамонта, почвенными картами и т. д.). Одновременно с этим в отчете подчеркивалась нехватка помещений музея, острая необходимость в постройке нового музейного здания [12, л. 3].

Структура экспозиционно-тематического плана музея 1939 года включала следующие отделы: вводный, «Социально-экономический строй Осетии до революции», «Осетия – царская колония, капиталистическое развитие в Осетии», «Революция 1905 года в Осетии», «Империалистическая война», «Октябрьская социалистическая революция», «Гражданская война 1918–1920 годов», «Социалистическое строительство в Осетии, борьба за социалистическую индустриализацию страны, борьба за коллективизацию сельского хозяйства», «Сталинская конституция». В течение 1939 года музей посетило 22 295 человек.

Музей провел мероприятия по охране исторических памятников в Северной Осетии. В соответствии с постановлением СНК СОАССР произведены ремонт-

ные работы по сохранению в целости исторических памятников, организована их охрана, произведено описание состояния 99 исторических памятников [12, л. 9].

Тем не менее в заключении на предоставленный отчет о работе музея за 1939 год Музейно-Краеведческий отдел наркомпроса РСФСР отметил «недостаточно высокий уровень научно-исследовательской работы по изучению революционного движения и социалистического строительства СОАССР для пополнения отдела соцстроительства, ведущего отдела музея, экспозиция которого должна отражать на местном материале борьбу советского народа под руководством партии Ленина-Сталина за укрепление советской власти и построение социализма» [11, л. 6].

В числе прочих замечаний отмечены слабо развернутая массовая политико-просветительская работа вне стен музея (выставки-передвижки, лекции, беседы в колхозах, на предприятиях, в школах) и отсутствие в этой работе связи с другими политпросветучреждениями (домами культуры, колхозными клубами, избами-читальнями и пр.) [11, л. 6].

Идеологический аспект культурного развития нередко принимал несколько гипертрофированные формы. Система социалистического соревнования, внедренная в область промышленного и сельскохозяйственного производства в СССР, получила свое распространение и в сфере музейного дела. 14 апреля 1938 года между Музеем Краеведения СОАССР и Чечено-Ингушским музеем был заключен договор о проведении социалистического соревнования. В соответствии с договором в Осетии был организован сбор материалов по истории гражданской войны, проведены археологическая и этнографическая экспедиции в горную часть Осетии, а также работы по оформлению археологического подотдела, частичной описи фондов, начато формирование путеводителя по музею [10, л. 7].

Помимо научно-фондовой, научно-экспозиционной и научно-просветительской работы в Музее была весьма распространена деятельность по информационному сопровождению мероприятий, организуемых партийной властью – избирательных кампаний, переписи населения и пр., в рамках которых сотрудниками Музея в учреждениях и колхозах Осетии осуществлялось чтение лекций, разворачивались экспозиции и передвижные выставки по соответствующей тематике [10, л. 9]. В архивных документах этих лет часто встречаются упоминания о подобной деятельности. К примеру, в повестках общего собрания и производственного совещания коллектива осетинского музея краеведения за 1938 год отдельными пунктами значились подготовка к избирательной кампании (26 июня 1938 г. состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР) и организация выставки к Всесоюзной переписи населения в январе 1939 года в соответствии с письмом музейного отдела Наркомпроса РСФСР [10, л. 27].

К этому времени у Республиканского музея краеведения сложились обширные деловые связи с

крупнейшими музеями страны, представителями творческой интеллигенции и научным сообществом. Договор о взаимной помощи был заключен с Эрмитажем, с которым в числе прочего велись консультации по организации музейных экспозиций. Для пополнения коллекций осуществлялся обмен экспонатами с центральными музеями Москвы, что для Осетии являлось естественным инструментом обогащения фондов музея, поскольку артефакты, найденные в Осетии в конце XIX – начале XX вв., не распроданные местными торговцами за рубеж в музейные и частные коллекции, были или вывезены в музей Тифлиса, или переданы Московскому археологическому обществу и, соответственно, остались в собраниях указанных музеев. Нередко экспонаты из музейных дубликатов Республиканского музея краеведения передавались в другие музеи страны. Внешние связи Музея краеведения не ограничивались только вопросами обновления коллекций и построения экспозиций. Договор на создание картин для оформления отдела соцстроительства был заключен с известным русским и советским живописцем и графиком И.И. Бродским, при оформлении сельскохозяйственного отдела привлекались ученые-агроарии [10, л. 7].

К концу 1930-х годов Республиканский музей краеведения СОАССР за более чем 40-летний период своего существования (начиная с решения Терского областного статистического комитета от 13 марта 1893 года о необходимости создания музея Терской области, сбора предметов древности для формирования коллекции, поиска денежных средств на строительство здания музея, а затем открытия Терского областного музея 21 января 1907 года) накопил большой опыт организационной и методической работы.

Музеем осуществлялась консультационная работа с музеями страны. Для Чечено-Ингушского музея в г. Грозном были подготовлены репродукции и экспонаты по истории «колонизации» Кавказа, проведены консультации по вопросам формирования экспозиции музея, составления экспозиционно-тематического плана и организационной работы. По запросу Грузинского исторического музея были даны заключения по материалам, связанным с историей Хевсуретии. Музею связи СССР в Ленинграде был предоставлен репродуктивный материал о средствах связи осетин в прошлом и настоящем. Дагестанскому музею краеведения оказывалась консультативная помощь в формировании экспозиции музея. Для дома-музея Коста Хетагурова (открыт в 1939 г., в настоящее время – Мемориальный дом-музей Коста Хетагурова, г. Владикавказ) проведены работы по организации экспозиции музея. В краеведческий кабинет при Государственном педагогическом институте музею были предоставлены репродукции. С музеем С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе (основан в 1938 г., в настоящее время – Музей истории города Владикавказа) проведена совместная экспедиция по сбору материалов о С.М. Кирове и Г.К. Орджоникидзе, проводились консультации по составлению экспозиционно-тематического плана [12, л. 18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу 30-х годов музейное пространство Северной Осетии помимо Республиканского музея краеведения, Дома-музея Коста Хетагурова, Музея С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе было представлено еще несколькими музеями. С 1927 года функционировал Алагирский краеведческий музей (располагался в здании собора г. Алагир) [6, с. 33], в 1938 году открылся Антирелигиозный музей (размещался в здании бывшей суннитской мечети, в 1940-х годах объединен с Республиканским музеем краеведения СОАССР), в 1939 г. открыт Северо-Осетинский художественный музей им. М.С. Туганова, в год 80-летия со дня рождения К.Л. Хетагурова – в 1939 году – начали свою работу Дом-музей Коста Хетагурова в с. Нар Алагирского района Северной Осетии и музей Коста Хетагурова при ОСНИИ (в настоящее время – Музей осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ). Опыт,

наработанный Республиканским краеведческим музеем в организации научной работы, полевых археологических исследований, работ с музейным фондом, построения экспозиций и, в целом, организации музейного дела, наряду с разнообразным материалом, накопленным в запасниках музея, был использован для организации деятельности других музеев, открывавшихся в Осетии и за ее пределами.

Скудная материально-техническая база, отсутствие подходящих условий для хранения и научной обработки коллекций, схематизм и однобокость построения экспозиций в угоду идеологии, погоня за количественными показателями посещаемости музея [13, с. 143–145] и привлечения широких общественных масс – условия, в которых формировалась музейная сеть Северной Осетии в 1920–1930-х годах, тем не менее положившая начало созданию системы учреждений, занимающихся сохранением и исследованием культурного наследия Осетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ладонина Н.А. Организация культурно-просветительской деятельности во Владикавказе во второй половине XIX века / Н.А. Ладонина // Известия СОИГСИ. 2019. № 32(71). С. 40–48.
2. Цибиров Г.И. Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) / Г.И. Цибиров, Э.Ш. Гутиева // Kavkaz-Forum. 2022. № 10(17). С. 96–110.
3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 124. Оп. 1. Д. 252.
4. ЦГА РСО-Алания. Ф. 124. Оп. 1. Д. 186
5. ЦГА РСО-Алания. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3а
6. Суанова Р.Е. Становление и развитие музеев и их роль в сохранении этнокультурного наследия Северной Осетии (вторая половина XIX в. 30-е гг. XX вв.) / Р.Е. Суанова // Вестник Академии знаний. 2013. № 7(4). С. 32–37. EDN RVGNQB.
7. Дмитриенко Н.М. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России / Н.М. Дмитриенко, Л.А. Лозовая // Музееведческие исследования в Томском государственном университете: Сборник статей. К 80-летию профессора Э.И. Черняка / Научный редактор Н.М. Дмитриенко. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 133–146. EDN HUMPQR.
8. ЦГА РСО-Алания. Ф. 124. Оп. 1. Д. 117.
9. ЦГА РСО-Алания. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2.
10. ЦГА РСО-Алания. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1.
11. ЦГА РСО-Алания. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21.
12. ЦГА РСО-Алания. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5.
13. Каспаринская С.А. Музей и власть. Часть I. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – М.: НИИ Культуры, 1991. 323 с. ISBN 0010.
14. Канукова З.В. Художественная культура в процессах формирования гражданской идентичности / З.В. Канукова, Б.В. Туаева, З.Т. Плиева // Известия СОИГСИ. 2017. № 25(64). С. 77–87.
15. Гобети З.Б. К вопросу формирования национальной интеллигенции Северного Кавказа в период культурного строительства (20–30-е годы XX в.) / З.Б. Гобети // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 20–23.
16. Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. / Е.Н. Бадмаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 4(38). С. 11–23.

REFERENCES

1. Ladonina N.A. Organizaciya kul'turno-prosvetitel'skoj deyatel'nosti vo Vladikavkaze vo vtoroj polovine XIX veka / N.A. Ladonina // Izvestiya SOIGSI. 2019. № 32(71). S. 40–48.
2. Cibirov G.I. Nauchnaya i obrazovatel'naya infrastruktura v Severnoj Osetii v epohu rannej sovetskoj modernizacii (1917 – konec 1920-h gg.) / G. I. Cibirov, E.Sh. Gutieva // Kavkaz-Forum. 2022. № 10(17). S. 96–110.
3. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (CGA RSO-A). F. 124. Op. 1. D. 252.
4. CGA RSO-Alaniya. F. 124. Op. 1. D. 186
5. CGA RSO-Alaniya. F. 126. Op. 2. D. 3a
6. Suanova R.E. Stanovlenie i razvitie muzeev i ih rol' v sohranении etnokul'turnogo naslediya Severnoj Osetii (vtoraya polovina XIX v. 30-e gg. XX vv.) / R.E. Suanova // Vestnik Akademii znaniy. 2013. № 7(4). S. 32–37. EDN RVGNQB.
7. Dmitrienko N.M. Pervyj muzejnyj s'ezd kak faktor evolyucii muzejnogo dela Rossii / N.M. Dmitrienko, L.A. Lozovaya // Muzevedcheskie issledovaniya v Tomskom gosudarstvennom universitete: Sbornik statej. K 80-letiju professora E.I. Chernyaka / Nauchnyj redaktor N.M. Dmitrienko. – Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 133–146. EDN HUMPQR.
8. CGA RSO-Alaniya. F. 124. Op. 1. D. 117.
9. CGA RSO-Alaniya. F. 372. Op. 1. D. 2.
10. CGA RSO-Alaniya. F. 372. Op. 1. D. 1.
11. CGA RSO-Alaniya. F. 372. Op. 1. D. 21.
12. CGA RSO-Alaniya. F. 372. Op. 1. D. 5.
13. Kasparinskaya S.A. Muzej i vlast'. Chast' I. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv.). – M.: NII Kul'tury, 1991. 323 s. ISBN 0010.
14. Kanukova Z.V. Hudozhestvennaya kul'tura v processah formirovaniya grazhdanskoj identichnosti / Z.V. Kanukova, B.V. Tujeva, Z.T. Plieva // Izvestiya SOIGSI. 2017. № 25(64). S. 77–87.
15. Gobeti Z.B. K voprosu formirovaniya nacional'noj intelligencii Severnogo Kavkaza v period kul'turnogo stroitel'stva (20–30-e gody HH v.) / Z.B. Gobeti // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij. 2009. № 10-2. S. 20–23.
16. Badmaeva E.N. Istoricheskij opyt formirovaniya organov upravleniya i provedeniya politiki korenizacii v nacional'nykh avtonomiyah Yuga Rossii v 1920–1930 gg. / E.N. Badmaeva // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN. 2018. T. 11, № 4(38). S. 11–23.

Научная статья
УДК 75: 7.036.1 (084)
DOI 10.46698/VNC.2025.80.86.001

М.А. Гассиева

Махарбек Туганов: у истоков художественной школы в Южной Осетии

Мадина Александровна Гассиева

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, старший научный сотрудник; Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, Южная Осетия, г. Цхинвал, madinakoritina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность М.С. Туганова в Юго-Осетии (ныне Республика Южная Осетия). Человек передовых взглядов, с блестящим европейским образованием, приезжает в 1930 году в Юго-Осетию, где он заложил художественную школу. В статье отмечается роль М.С. Туганова в становлении системы образования, формировании художественной интеллигенции и развитии изобразительного искусства в Южной Осетии.

Ключевые слова: художник, традиции русской и европейской живописи, нартский эпос, художественный стиль, изостудия, художественная школа, художественная интеллигенция, соцреализм, авангард, «тугановская школа»

Для цитирования: Гассиева М.А. Махарбек Туганов: у истоков художественной школы в Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2025. Т. 25. № 2. С. 56–63. DOI 10.46698/VNC.2025.80.86.001

Makharbek Tuganov: at the origins of the art school in South Ossetia

Madina A. Gassieva

Z.N. Vaneev South Ossetian Scientific Research Institute, Senior Researcher; A.A. Tibilov South Ossetian State University, Department of Philosophy and Cultural Studies, Associate Professor, PhD, South Ossetia, Tskhinval, madinakoritina@yandex.ru

Abstract. The activities of M.S. Tuganov in South Ossetia (now the Republic of South Ossetia) are considered. Tuganov, a man of progressive views, with a brilliant European education, came to South Ossetia in 1930, where he founded a painting school. The article notes his role in the formation of the painting education system, the formation of the artistic intelligentsia and the development of fine arts in South Ossetia.

Keywords: artist, traditions of Russian and European painting, Nart epic, artistic style, art studio, art school, artistic intelligentsia, socialist realism, avant-garde, «Tuganov school»

For citation: Gassieva M.A. Makharbek Tuganov: at the origins of the art school in South Ossetia // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 25. № 2. P. 56–63. DOI 10.46698/VNC.2025.80.86.001

Основоположником художественной школы в Юго-Осетии (ныне Республика Южная Осетия) по праву считается известный осетинский художник Махарбек Сафарович Туганов (1881–1952 гг.).

М.С. Туганов был человеком передовых взглядов, с блестящим образованием. Он привнес в национальное искусство традиции живописи русской и зарубежной школы. Классик осетинского изобразительного искусства был учеником И.Е. Репина, он также учился в частной школе Антона Ажбе в Мюнхене, где постигал технику рисунка, изучал историю искусств Европы. М. Туганов познакомился с течениями европейского авангарда начала XX столетия, был покорен стилистическим языком импрессионистов и экспрессионистов. В своей статье «Новейшие течения живописи» Махарбек Сафарович «называет Клода Мане пленэристом, то есть художником, пишущим на воздухе, на пленэре. Он знаком с неоимпрессионистами, то есть пуантилистами, дивизионистами, художниками, трансформировавшими импрессионизм в метод точечных мазков

(Сёра, Сислеи), он называет их пунктистами» [1].

Трепетный интерес у Махарбека Сафаровича вызывали культура и этнография родной Осетии. Еще юношей, вплоть до зрелого возраста, он имел привычку ездить по горным селам Северной и Южной Осетии, изучал памятники материальной культуры осетин, традиционного быта, архитектурных элементов, знакомился с кустарным промыслом, изучал народные танцы, костюм и орнамент, записывал пословицы и поговорки, исторические песни, осетинские сказки, легенды, сказания о нартах и др. Художник делал зарисовки предметов культуры, раскопок из Кобана, Галиата, Камунта. «Он накапливал материал, который впоследствии дал ему возможность создать картины, верно отражающие быт осетинского народа, написать научные работы о материальной культуре, искусстве родного народа, нартском эпосе» [2, с. 14]. М. Туганов остро чувствовал, что прошлое Осетии уходит, гибнет под натиском новых социокультурных изменений. Капиталистическая промышленность, а затем советская